

О. С. ПОРШНЕВА

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

РЕАЛИЗАЦИЯ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПРОЕКТА «НОВАЯ ЖЕНЩИНА» В 1923–1928 ГГ.: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Политика формирования «новой женщины» в раннесоветский период рассматривается в статье как элемент большевистского социального проектирования, конструирования гендерных моделей. Показана роль политико-идеологических, законодательных и институциональных нововведений, их эволюции на протяжении рассматриваемого периода в решении задач «коммунистического воспитания» женщин и изменения их социального положения. Проанализированы проблемы и противоречия в реализации данной политики в Уральской области. Дана характеристика гендерных практик, показаны причины и степень расхождения повседневности 1923–1928 гг. и революционных замыслов. Особое внимание уделено наиболее острым противоречиям и трудностям в преобразовании семейных отношений и формировании «нового быта». Обоснован тезис о соединении прогрессивных, рационалистических установок эпохи модерна, свобод в этой сфере с политико-идеологическим программированием гендерных ролей в интересах государства.

Ключевые слова: «новая женщина», социальное проектирование, раннесоветское общество, гендерные практики, Уральская область.

Задача трансформации сознания, поведения, образа жизни и всего облика человека была важной составляющей большевистского проекта по созданию нового мира. Конструирование идеала «нового человека» включало формирование и продвижение представлений о «новой женщине» — активной и сознательной участнице коммунистического строительства, приобщившейся к образованию и культуре, освобожденной от пут «домашнего рабства». Разработка большевиками теории «освобождения» женщины и формирования «новой женщины» при социализме, а также целенаправленное создание условий для реализации этого курса может рассматриваться как форма социального проектирования. Будучи тесно связанным с концепцией «нового человека», совпадая с ней по многим параметрам, проект создания «новой женщины» обладал собственной логикой и особенностями, обусловленными социальным положением женщин в российском обществе, необходимостью решения целого ряда проблем. Наиболее

острыми и труднопреодолимыми из них стали сохранявшиеся патриархальные традиции, в соответствии с которыми забота о детях и семейном быте считалась сферой ответственности женщин, а также много внимания требовала трансформация традиционной организации быта основной массы населения.

С целью «раскрепощения» женщины большевики разработали концепцию социального материнства и социализации быта. Первая предполагала передачу части функций, а также ответственности семьи/матери за воспитание детей и уход за ними государству и обществу, за счет развития сети дошкольных, школьных и внешкольных учреждений нового, «коммунистического» типа. Вторая была направлена на создание коллективистских форм быта, качественно новых жилищно-бытовых и социальных условий, индустриализацию сферы быта. Не ставя задачу рассмотреть весь комплекс проблем, препятствовавших реализации проекта «новая женщина», сосредоточим внимание на противоречиях и трудностях в двух вышеназванных сферах, повлиявших на процесс вовлечения женщин в управление государственными и общественными делами, преобразование ее облика.

Главным способом изменения человека, согласно марксистской доктрине, была коренная трансформация социально-экономического базиса, создававшая предпосылки для преобразования всей общественной системы, формирования «нового человеческого материала»¹. По мысли Ф. Энгельса, она обуславливала и возможность отмирания буржуазной семьи: при коммунистическом строе, благодаря устранению частной собственности и общественному воспитанию детей, «уничтожатся обе основы современного брака, связанные с частной собственностью, — зависимость жены от мужа и детей от родителей»².

В отличие от К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин выдвинул ряд идей о путях приобщения женщин к политической жизни, «воспитания», освобождения от «отупляющего» и «принижющего» мелкого домашнего хозяйства, «приковывающего женщину к кухне и к детской», об утверждении пролетарского гражданского брака³. Во время состоявшегося в марте 1919 г. VIII съезда РКП(б) В. И. Ленин

¹ Энгельс Ф. Принципы коммунизма // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. М., 1955. Т. 4. С. 334–335; Ленин В. И. Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 204.

² Энгельс Ф. Принципы коммунизма... С. 336–337.

³ Ленин В. И. Великий почин (1919) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 23–24; Ленин В. И. Письмо И. Ф. Арманд от 24 января 1915 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 56.

заявил: «Мы на марксистской программе воспитали партию пролетариата, и так же надо воспитать те десятки миллионов трудящихся, которые у нас есть»⁴. Эта установка предопределила огромную роль системы образования и пропаганды, а также различных форм и методов управления сознанием и поведением людей, трактуемых в современных исследованиях как социальный инжиниринг⁵.

Главным методом реализации гендерной политики в обозначенных нами сферах была социальная мобилизация. Термин «социальная мобилизация» определяется новосибирскими историками как «целенаправленное воздействие институтов власти на социум, основанное на подавлении или искажении свободных и рациональных предпочтений, мотиваций и действий отдельных индивидов и социальных групп для приведения социума в активное состояние, обеспечивающее поддержку и реализацию целей и задач, объявляемых приоритетными и признаваемых общественным большинством»⁶. Основополагающая роль социалистической революции в решении «половых проблем» означала манипуляцию со стороны большевистского государства индивидуальными сексуальными предпочтениями, позволяла вмешательство в жизнь индивидов с целью их политической мобилизации, нарушала принцип суверенитета семьи⁷.

Женщины стали объектом социального проектирования не только вследствие уверенности большевиков в возможностях социального инжиниринга, коренной переделки сознания и поведения человека, но и благодаря господству патримониального управления. Это обусловило отношение к женщинам как к специфической группе, повседневность которой должна формироваться целенаправленно и последовательно⁸.

⁴ Ленин В.И. Заключение по докладу о партийной программе 19 марта [VIII съезд РКП (б) 18–23 марта 1919 г.] // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 180.

⁵ Холквист П. «Осведомление — это альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара, 2001. С. 47.

⁶ Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х — 1930-е гг.). Новосибирск, 2013. С. 5.

⁷ Пушкарев А., Пушкарева Н. Ранняя советская идеология 1918–1928 годов и «половой вопрос» (о попытках регулирования социальной политики в области сексуальности) // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова и Е. Ярославской-Смирновой. М.: «Вариант», ЦСПГИ, 2007. С. 221–222.

⁸ Пушкарева Н. Гендерная система советской России и повседневность россиянок // Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы. М., 2015. С. 205.

В современных исследованиях внимание акцентируется на разрыве между официальными установлениями большевиков и повседневными практиками, который рядом авторов объясняется спецификой взаимодействия власти и общества в 1917–1930-е годы, инерционностью процесса изменения традиционного уклада жизни. «Поскольку на повестке дня были радикальные варианты строительства социализма, быстрые изменения привычек, убеждений, в том числе, в таких тонких сферах, как семейные и сексуальные отношения, [в] вопросах воспитания детей, религии, дисциплины в условиях массовой бедности и неграмотности. Потому так велика была роль общественно-политических кампаний <...> Результат кампаний, скорее, носил характер *социально-го конструирования проблемы* (здесь и далее курсив мой. — О. П.), нежели ее решения или искоренения порождающих ее причин»⁹. Изменить общественный строй оказалось куда проще и быстрее, чем поменять уклад жизни миллионов граждан такой необъятной страны, как Россия¹⁰.

Законодательные акты о браке и семье, принятые в первое десятилетие советской власти, были нацелены на улучшение положения женщины¹¹. В частности, были упрощены процедуры заключения брака и развода, разрешены медицинские аборт по желанию женщины, введен отпуск, предусмотрены финансовая поддержка в связи с рождением и уходом за ребенком, право на получение алиментов через суд в случае отказа отца от «материального обеспечения» ребенка, ограничение женского труда на вредном производстве. Система институтов, поддерживающих совмещение материнства с занятостью женщин на рынке труда, также начала создаваться буквально в первые месяцы Советской власти¹². По оценке К. Петроне, «политика в отношении советской семьи в межвоенный период была наиболее прогрессивной и освободительной из всех, какие мир когда-либо видел»¹³.

⁹ Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность М., 2007. С. 27.

¹⁰ Журавлев С. В., Соколов А. К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е гг. // Социальная история. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 287.

¹¹ См.: Пушкарева Н. Л., Казьмина О. Е. Российская система законов о браке в XX в. и традиционные установки // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 69–73.

¹² Там же; Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы... С. 30.

¹³ Petrone K. Between Exploitation and Empowerment: Soviet Women Negotiate Stalinism // Gender Politics and Mass Dictatorship. Global Perspectives. London: Palgrave Macmillan, 2011. P. 125.

Своеобразными «локомотивами» продвижения новой социальной роли женщин являлись отделы по работе среди женщин (женотделы) комитетов РКП(б). Проследивая их историческую обусловленность и оценивая их значение, Р. Стайтс писал: «Организационные и коммуникационные приемы делали активисток женотделов способными перейти от специфических задач „малых дел“, как их понимала интеллигенция XIX в., к более широким целям массовой социализации. Несмотря на отсутствие независимости, изобретательной инициативы, свойственных феминистскому движению, женотделы превзошли феминисток во власти и престиже. При этом они представляли комбинацию классовую и сексуальной борьбы»¹⁴. Б. Э. Клементс также высоко оценивает вклад женотделов в формирование новых социальных практик: «В 1926–27 гг. 620 000 женщин посещали делегатские собрания¹⁵, организованные женотделами в разных частях СССР. В 1930 г. „Работница“ выходила дважды в месяц в количестве 265 тыс. экземпляров. Сотни работниц женотделов проповедовали по всей стране взгляды Александры Коллонтай, Инессы Арманд и других своих лидеров. Они часто совместными усилиями „наскребали“ деньги на центры по дневному уходу за детьми, столовые и т. п. учреждения в ситуации, когда местные партийные комитеты им не помогали и иногда даже активно противодействовали. В худшем случае, проекты увядали после нескольких месяцев работы. В лучшем, — они завоевывали поддержку фабричного руководства или правительственных учреждений и тогда становились институализированными общественными площадками»¹⁶.

О сочетании в работе женотделов просветительских, модернизационных и классовых начал свидетельствуют лозунги, выдвигавшиеся к выборам делегатских собраний: «Работница и крестьянка, делегатское собрание научит тебя управлять страной Советов», «Работница и крестьянка, делегатское собрание подготавливает тебя в партию», «Делегатка, в избе и на поле строй новую жизнь», «Делегатки, на борьбу за грамотность, за культуру»¹⁷.

¹⁴ Stites R. *The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism, and Bolshevism. 1860–1930.* Princeton, New Jersey, 1978. P. 344–345.

¹⁵ Делегатские собрания — объединения женщин-«делегаток», выдвинутых на беспартийных женских собраниях и конференциях, действующие под патронажем женотделов или женорганизаторов партийных комитетов и ячеек с 1919 г. Цели делегатских собраний — партийно-политическая пропаганда среди женщин, подготовка их к вступлению в партию, приобщение к общественной работе, решению социальных и бытовых проблем.

¹⁶ Clements B. E. *Bolshevik women.* Cambridge, Cambridge University Press, 1997. P. 270.

¹⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 34. Л. 78.

Признавая достижения Советской власти в сфере законодательного обеспечения гендерного равенства, социальной политики, охраны материнства и младенчества, следует отметить, что реальная трансформация сферы гендерных и семейно-брачных отношений происходила асинхронно с государственной политикой. Процесс приобщения женщин к «социалистическому строительству», участию в политической жизни, управлению государственными и партийными делами шел не так успешно, как хотели бы большевики. Увеличение доли женщин в Советах всех уровней шло медленно. К 1926 г. только 18% членов городских Советов и 9% сельских составляли женщины¹⁸. В циркулярном письме женотдела Уральского областного комитета РКП(б) всем окружным отделам работниц и крестьянок от 4 декабря 1925 г. отмечалось «слабое участие женщин в перевыборной кампании в Советы». В нем же, признавались трудности вовлечения женщин в Советы: «Увеличение женщин в Советах идет в значительной мере за счет *нажима со стороны женотделов парткомов на соответствующие организации*»¹⁹.

Еще хуже дело обстояло с представительством женщин в руководящих партийных органах. Если доля женщин в ВКП(б), по данным Всесоюзной партийной переписи 1927 г., составляла 12,9%, то среди секретарей рабочих партийных ячеек она была 2,7%, деревенских — 1,6%, прочих — 4,9 процента²⁰. Согласно информационной сводке ЦК ВКП(б), наибольший процент женщин в составе бюро и среди секретарей советских, вузовских и прочих «учрежденческих» ячеек объяснялся тем, что женщина в них была «более культурна, более подготовлена к руководящей работе, более активна»²¹. Тем самым обозначалась проблема культурной отсталости и элементарной неграмотности основной массы трудящихся, а также неготовности крестьянок, работниц и членов рабочих семей к роли «новой женщины»²².

Работа женотделов в деревне была формой социальной мобилизации в крайне консервативной среде, пропитанной патриархальными ценностями и традициями. На состоявшемся 15–17 октября 1925 г. VII пленуме Уралобкома РКП(б) в докладе заведующей его женотделом Тормасовой эти факторы упоминались как

¹⁸ Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism, and Bolshevism. 1860–1930. Princeton, New Jersey, 1978. P. 328; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 601. Л. 58.

¹⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 601. Л. 58.

²⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 26. Л. 68.

²¹ Там же.

²² Пушкарева Н. Гендерная система советской России и повседневность россиянок. С. 206.

главные причины низкой активности женщин на выборах в Советы. Тормасова приводила типичное «бытовое» объяснение: «не пускал муж». «Были такие случаи, — говорила она, — когда выбранную крестьянку муж провожал на райконференцию и райсезд Советов с вожжами»²³. В выступлениях секретарей окружкомов на пленуме утверждалось, что женщины-выдвиженки зачастую «не встречают доверия к себе, товарищеского отношения, поддержки»²⁴, женщины формально участвуют в работе сельсоветов и районных исполкомов, их заставляют, например, мыть полы, подметать и т. п.²⁵.

Руководители женского движения признавали сугубо негативную роль «патриархальных» и «мелкобуржуазных» представлений населения, которые трактовались как «пережитки» прошлого, подлежащие искоренению. О роли стереотипов, препятствовавших выдвижению женщин на партийную, государственную и общественную работу, шла речь в ряде партийных документов. Например, в отчете Уральского областного комитета о работе среди женщин за 1924 г. констатировалось: «До сих пор еще слышны насмешки: „Баба, что она делает“, и этим самым отталкивается крестьянка-делегатка от общественной работы»²⁶. В циркулярном письме Уралобкома всем окружкомам от 2 июля 1925 г. в числе причин незначительного участия крестьянок в беспартийных крестьянских конференциях упоминались «представления крестьян о том, что на сходах, собраниях должен быть только глава семьи»²⁷.

Приоритетное место в работе женотделов занимали пропаганда, основанная на классовом подходе к объектам социальной политики, а также меры против распространения «классово-чуждой» женской активности. В партийных документах формулировалась мысль о необходимости «правильно направить» растущую активность женского населения, чтобы *«она не пошла мимо нас и не могла быть использована враждебными элементами»*, приводились примеры «классово-чуждых влияний»²⁸.

Как уже отмечалось, в сфере семейных отношений проблемы и трудности формирования «новой женщины» проявлялись наиболее рельефно. В деревне сохранялся и воспроизводился традиционный брачно-семейный уклад. Это, в частности, подтвержда-

²³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 17. Л. 154.

²⁴ Там же. Л. 165.

²⁵ Там же. Л. 136.

²⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 18. Л. 65.

²⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 601. Л. 40.

²⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 17. Л. 118.

ется распространенным обычаем установления фактических брачных отношений с 16-летнего возраста невесты. Такая практика противоречила «Кодексу законов о браке, семье и опеке РСФСР» 1926 г., допускавшему вступление в брак с 18-летнего возраста для обоих полов²⁹. Устойчивость гендерного сознания проявлялась в том, что, по словам автора обзора крестьянских писем П. П. Бажова, ставшего позднее известным писателем, «деревня, привыкшая издавна считать девицу взрослой с 16 лет, ищет [способы] обхода закона»³⁰. Среди них были, как сообщалось в письмах крестьян и селькоров, приписка лет, венчание без регистрации в загсе и наиболее распространенный — вступление жены в дом на положении работницы. При этом давалась подписка, что через два года брак будет оформлен обычным гражданским путем. Священнослужители разработали и практиковали на этот случай особый «вступительный молебен»³¹.

Изменение положения женщины достигалось путем государственного вмешательства в бытовую сферу с использованием политических и юридических механизмов. Проводившиеся с этой целью мобилизационные кампании вели к политизации повседневной жизни. Так, в циркуляре Уральского областного суда от 6 февраля 1925 г. говорилось о необходимости организации юридической помощи работницам и крестьянкам как о важной политической задаче, предусматривавшей проведение консультаций, бесед, докладов, постановку показательных бытовых процессов, создание юридических кружков. В документе подчеркивалась необходимость «организовать совместно с прокуратурой общественное обвинение и защиту женщин; в гражданских процессах с участием женщин обеспечить ее бесплатной защитой; проводить показательные политические суды по тем или иным бытовым вопросам, где выпукло оттенить права женщины»³².

Инсценировку показательного «суда над рабочим Потехиным, нанесшим побои своей жене» описывает в своих воспоминаниях активистка женского движения на Урале А. Кореванова. Она зафиксировала диаметрально противоположную реакцию на него мужчин и женщин, свидетельствующую о распространенности практик семейного насилия: «Присутствовало больше двухсот человек, половина женщин. После инсценировки — прения. Сначала женщины смущались и молчали, но после того, как заговорили

²⁹ Новый закон о браке и семье // Работница. 1926. № 23. С. 2.

³⁰ ЦДОСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1116. Л. 8.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 14–16.

мужчины, стали выступать и крестьянки. На вопрос — довольны ли судом, достаточно ли осужден виновный? — женщины ответили, что мало, а мужчины, наоборот, говорили, что обвиняемого надо было совсем оправдать»³³. Многочисленные свидетельства того, что и беспартийные, и коммунисты бьют своих жен, стало поводом для бичевания этого явления на партийных форумах и в прессе³⁴.

Реализовывавшаяся в Советской России концепция «социального материнства» предполагала вовлечение государства и общества в решение проблем семьи, благодаря чему сыграла важную роль в социальной политике государства³⁵. «Женско-детская» сфера определялась, с одной стороны, классовым подходом к решению практических вопросов, наличием «лишенков», неграмотностью значительной части женщин и детей, огромным количеством беспризорников, а с другой — масштабными мерами по охране материнства и младенчества³⁶.

Благодаря усилиям Советской власти в 1920-е годы начала формироваться система дошкольного воспитания. Однако к 1929 г. в СССР насчитывалось всего 1,5 тыс. дошкольных воспитательных учреждений. Большая часть из них испытывала недостаток средств, кадров, помещений и т. п.³⁷.

В принятом 10 апреля 1925 г. постановлении по докладу женотдела Уралобкома РКП(б) о состоянии охраны материнства и младенчества в Уральской области перечислялись меры, обязательные для реализации:

- посещение женщинами с грудными детьми консультаций;
- усиление родовой помощи женщинам; «считать ее крайне недостаточной, особенно в сельской местности, с этой целью увеличить количество родовых коек, главным образом, в участковых больницах»;
- введение в штат каждого фельдшерского пункта акушерки;
- повышение квалификации акушерок;

³³ *Кореванова А. Г.* Моя жизнь. Автобиография уральской работницы-крестьянки. М.; Л., 1938. С. 316–317.

³⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 17. Л. 155; Крот. Женрбота по нижнеисетски // Работница. 1930. № 29. С. 19.

³⁵ *Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е.* Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы... С. 30.

³⁶ См.: *Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е.* Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы... С. 25–27; *Мэдисон Б.* Достоинства и проблемы советских учреждений социального обеспечения // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. С. 68–81.

³⁷ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А. К. Соколов. М., 1997. С. 166–167.

- организация сельских ясель в летнюю кампанию;
- «шире популяризировать задачи и значение работы абортных комиссий путем постановки докладов на всех профсоюзных и общих собраниях»;
- *«усилить политпросветительскую работу в доме матери и ребенка, среди прибывающих матерей, кормилиц и технического персонала, для чего заведующей отделом разработать план»;*
- организовать медико-санитарное просвещение во всех родильных отделениях среди прибывающих рожениц, для чего привлечь персонал акушерок и врачей;
- организовать при детских яслях ясельные комитеты³⁸.

Такое же соединение просветительского и политико-идеологического начал проявлялось в большевистском проектировании роли женщин в пионерском движении. Формы участия в нем работниц и крестьянок определялись инструкциями и директивами ЦК РКП(б), направлявшимися на места через соответствующие партийные комитеты. Так, в письме Уралобкома всем окружкам РКП(б) от 8 июня 1925 г. перечислялись следующие направления взаимодействия женского и пионерского движений:

- *«работа в массах женщин по разъяснению целей и задач пионерского движения и коммунистического воспитания»;*
- информирование о практической работе отрядов, в том числе посредством включения в план работы делегатских собраний регулярных отчетов о пионерском движении;
- необходимость постоянных форм совместной работы пионерских отрядов и женотделов;
- прикрепление на 2–3 месяца делегатов к пионерским отрядам;
- участие пионеров в летний период в создании детских площадок, работе ясель, организации дошкольных „примитивов“;
- содействие женотделов пионерам в организации коллективного огорода, различных форм общественного труда;
- оказание женотделами трудовой помощи семьям пионеров, в которых недостает рабочих рук (вдовам красноармейцев, инвалидам гражданской войны);
- помощь женотделов в налаживании правильной деятельности пионеров в семье: борьбе за чистоту, охране труда несовершеннолетних батраков, нянек, пастухов, оказании помощи в домашней работе, т. е. борьбе за новый быт»³⁹.

³⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 601. Л. 65–66.

³⁹ Там же. Л. 82.

Пропаганда женской эмансипации, свободы семейных отношений, новое законодательство стали факторами демографического кризиса, порожденного, прежде всего, индустриализацией, коллективизацией и голодом. Всё это привело в конце 1920-х — начале 1930-х годов к падению рождаемости, стремительному росту числа аборт и разводов⁴⁰. Одним из свидетельств кризисной ситуации стало увеличение дел в судах о взыскании алиментов. На заседании женотдела Уралобкома РКП(б) 30 мая 1925 г. говорилось о том, что «в практической работе нарсуды всегда соприкасаются с женскими делами: иски об алиментах составляют 60% всех гражданских дел, разбираемых нарсудом, в 99 из 100 случаев истица — женщина. Суд стоит на стороне женщин: из всех дел по искам об алиментах, расследуемых в Облсуде и постоянных судебно-кассационных сессиях, отказ в иске составляет 9%, по прочим делам отказ — 26%»⁴¹. Свобода половых отношений при неразвитости средств контрацепции оборачивалась для женщин либо прерыванием беременности, либо перспективой в одиночку растить детей. Интерпретация таких ситуаций основывалась на традиционных гендерных стереотипах. С. Н. Смилович, с 1922 по 1924 г. занимавшая должность заведующей отделом ЦК РКП(б) по работе среди женщин, писала в журнале «Коммунистка», что в «применных „комиссий по разрешению абортов“ можно прочесть немало печальных историй о комсомольской любви...»⁴². Многие мужчины, как свидетельствуют письма в «Крестьянскую газету», были не прочь извлечь «пользу» из либерализации брака⁴³. Однако порожденная традиционными гендерными стереотипами интерпретация ситуаций с разводами и оставленными детьми часто была односторонней: мужчины обвиняли женщин в «распушенности». Жалобы мужчин на то, что Советская власть предоставила женщинам слишком большие права, являлись одной из типичных тем писем в «Крестьянскую газету» в 1920-е годы⁴⁴.

Решение задач освобождения женщины и внедрения нового быта связывалось властью с реформами в жилищной сфере.

⁴⁰ Дэвис С. Мнение народа в сталинской России. Террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941 гг. М., 2011. С. 67; Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы... С. 50.

⁴¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 601. Л. 71.

⁴² Цит. по: Пушкарев А., Пушкарева Н. Ранняя советская идеология 1918–1928 годов и «половой вопрос»... С. 215.

⁴³ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. С. 161–163.

⁴⁴ Там же. С. 158–161.

М. Меерович выявил способы принудительной организации людей в трудобытовые коллективы. Они осуществлялись не только путем административных преобразований, но и за счет организации жилища, планировки поселений, в конечном счете, благодаря структуре расселения в целом⁴⁵. В первые годы Советской власти происходило реформирование существующего жилищного фонда: принудительные переселения, уплотнения, подселения, выселения, создание домов-коммун⁴⁶.

Идеал коммунального жилища в разных его формах, но прежде всего в виде домов-коммун, пропагандировался и внедрялся с первых лет Советской власти. На 1 марта 1923 г. в Москве было зарегистрировано 1075 домов-коммун с более чем 100 тыс. человек рабочего населения, что составляло 6,6 % от почти 1,5 млн жителей города⁴⁷. В 1926 г. организаторы всесоюзного конкурса архитектурных проектов поставили перед архитекторами задачу — «проникнуться новыми запросами к жилищу и возможно скорее дать проект такого дома с общественным хозяйством, который превратил бы так называемый жилищный очаг из тесной, скучной, а подчас и тяжелой колеи для женщины в место приятного отдыха»⁴⁸. В 1928 г. Центржилсоюз выработал специальную инструкцию — «Типовое положение о доме-коммуне». Согласно этому документу в коллективе предполагалось осуществлять воспитание детей, стирку и уборку, готовить еду, удовлетворять потребности в сфере культуры⁴⁹. В 1920-е и 1930-е годы в журнале «Работница» публиковались статьи, в которых утверждалось, что советские архитекторы не должны копировать европейскую планировку домов, так как кухни и ванны в каждой квартире, как в западной модели домостроительства, будут способствовать эксплуатации женщин, вынужденных готовить, стирать и убирать для своих семей⁵⁰.

⁴⁵ Меерович М. Социалистический город: формирование городских общностей и советская жилищная политика в 1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007. С. 84–117; Он же. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М., 2008. С. 85–98.

⁴⁶ Меерович М. Социалистический город: формирование городских общностей... С. 97.

⁴⁷ Меерович М. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР... С. 22.

⁴⁸ Измозик В. С., Лебина Н. Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. 1920–1930-е годы. (Социально-архитектурное микроисторическое исследование). СПб., 2010. С. 145.

⁴⁹ Измозик В. С., Лебина Н. Б. Петербург советский: «новый человек»... С. 146.

⁵⁰ Clements B. E. Bolshevik women. Cambridge, Cambridge University Press, 1997. P. 264.

Новаторство в сфере половых и бытовых отношений в наибольшей степени проявилось в практике создания молодежных бытовых коммун. Уже в 1923 г., например, в Москве, в таких коммунах проживало более 40% молодых рабочих⁵¹. Как отмечает М. Меерович, в формировании молодежных коммун проявлялось желание «нанести удар по патриархальной семье, сформировать и осуществить на практике новые отношения между мужчиной и женщиной». Половой вопрос, по свидетельствам самих коммунаров, решался «просто», о женитьбе не думали, а, например, «в уставе первой бытовой коммуны Московско-Нарвского района в Ленинграде было записано весьма соблазнительное положение — коммуна платит алименты»⁵². Практика выплаты в бытовых коллективах алиментов из общей казны была не единичной⁵³.

Мифология революционного обновления и практика коммунистического экспериментирования привели к распространению семей-коммун и в сельской местности. По данным Л. Н. Мазур, на территории Екатеринбургской губернии в 1923 г. было отмечено 41 поселение, зарегистрированное как коммуна. В анкетах коммунистов — коммунаров Екатеринбургской губернии, составивших в 1922 г. 4,8% всех коммунистов, часто встречается описание коммуны как семьи⁵⁴.

Однако утверждение «нового быта» как массовых практик повседневности происходило с большими трудностями. В опубликованной в журнале «Работница» в 1926 г. статье С. Радиевой, посвященной жилищной политике, признавались не только успехи («Новые бытовые условия, раскрепощающие женщину, кое-где уже созданы: при одном доме-коммуне оборудовали столовую, при другом — прачечную, а там — ясли, там — детский уголок при клубе»), но и серьезные проблемы с внедрением учреждений, которые автор назвала всего лишь «крупинками нового быта»⁵⁵.

К 1923 г. жилищные условия рабочих улучшились по ряду показателей. Доля рабочих, проживавших в индивидуальных

⁵¹ *Меерович М.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы)... С. 21–22.

⁵² Там же. С. 21.

⁵³ *Измозик В. С., Лебина Н. Б.* Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве... С. 150.

⁵⁴ *Мазур Л. Н.* Семья коммунистов Екатеринбургской губернии (по материалам Всероссийской партийной переписи 1922 г.) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, № 3 (154). С. 100.

⁵⁵ *Радиева С.* Работница и жилищное строительство // Работница, 1926. № 3. С. 10.

домах, составила в целом по стране — 25,6 %, в Уральской области — 59,2 процента⁵⁶. Однако бытовые условия рабочих, арендовавших жилье у предприятий, учреждений, домоуправлений, оставались тяжелыми. В рабочих поселках и городах, насчитывавших до 150 тыс. жителей, в 1923–1927 гг. население практически не пользовалось канализацией и центральным отоплением⁵⁷, рабочие проживали в неблагоустроенных бараках, казармах и коммунальных квартирах. Такие жилищные условия большинства городских семей не позволяли обеспечить элементарные основы здорового быта и раскрепостить женщину.

Вот как описывалось в «Работнице» в 1926 г. положение дел в этой сфере: «Жилищная нужда — самое больное место в рабочем быту. В тесноте, в грязи, часто без света живут рабочие семьи во многих казармах. А если в комнатах, то по две, три семьи в комнате»⁵⁸. В анонимном письме, направленном в один из волостных партийных комитетов Уральской области в 1924 году⁵⁹, описание неудовлетворительных жилищных условий рабочих сопровождалось апелляцией к идеалам справедливости, поправным в пользу служащих. При этом наиболее очевидной несправедливостью ситуации была по отношению к детям: «Мы, рабочий класс, просим разобрать данному собранию, что нам очень плохо в жизни, живем мы, рабочие, в скотских стаях и не имеем освещения, впотьмах и глухоте находятся наши дети, а служащие имеют 4–5 комнат, теплый ватор, день и ночь у них топится плита, две бочки воды в день, говорят, лучше бедным не везите, а нам надо, имеют 5–6 лампочек, а у нас, бедных, дети ложатся спать в 6 часов, а встают уже в 7 и спрашивают, почему же нам не дают огня? Да потому, что раздали служащим. Дети говорят, да как же, нам на собрании объясняли товарищи, что все равны, а выходит, что рабочий класс совсем забыт»⁶⁰.

В конце 1920-х — начале 1930-х годов проекты по созданию новой коммунальной жизни через организацию столовых, детских садов, прачечных, призванных освободить женщин от домашней работы, провалились просто потому, что у людей не было денег

⁵⁶ Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России 1990–1941 гг. М., 2009. С. 128–129.

⁵⁷ Там же. С. 129.

⁵⁸ Радиева С. Работница и жилищное строительство... С. 9.

⁵⁹ В сводке ОГПУ Уральской области отсутствуют сведения об авторе и адресате, но, судя по контексту, письмо могло быть написано рабочими Исовских платиновых приисков.

⁶⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 61. Л. 7.

платить за эти удобства⁶¹. Как вспоминала А. Кореванова, на строительство таких учреждений постоянно не хватало средств, женщины говорили, что в столовых питаться семье «не по карману»⁶². Клиентами общественных столовых были главным образом не имеющие семей мужчины и женщины, а также приезжие. Даже дешевые обеды были не выгодны для рабочих семей, стремящихся экономить каждую копейку. Кафетерии и буфеты превратились преимущественно в места выпивки, а не принятия пищи⁶³. Доля семей, питающихся вне дома, после 1924 г. упала ниже одного процента⁶⁴.

Итак, приведенный фактический материал подтверждает, на наш взгляд, вывод историков о том, что между большевистскими идеями об эмансипации женщин и практикой их воплощения существовал значительный разрыв. В ходе реализации мероприятий по формированию «новой женщины» и «нового быта» партийно-советское руководство столкнулось с серьезными трудностями и противоречиями, обусловленными стойкостью консервативно-патриархальных установок и традиционных гендерных практик, сохранением экономических основ неравенства, неразвитостью социальной сферы. Задача «воспитания» «новой женщины» осложнялась культурной отсталостью, неграмотностью основной массы женского населения, крестьянок, работниц и членов рабочих семей, которая не могла быть преодолена в короткие исторические сроки. Рационалистические установки и закрепленные в законодательстве широкие свободы были подчинены идеологическому и политическому программированию гендерных ролей. Источники свидетельствуют об отставании динамики трансформации общественных отношений, обеспечивающих изменение облика женщины, от его властного проектирования, а также об очевидных пределах возможностей для социального инжиниринга в раннесоветском обществе.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16–18–10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

⁶¹ *Petrone K.* Between Exploitation and Empowerment: Soviet Women Negotiate Stalinism... P. 134.

⁶² *Кореванова А. Г.* Моя жизнь. Автобиография уральской работницы-крестьянки... С. 326–334.

⁶³ *Nerard F-X.* The Sisyphean Opening of the First Soviet Canteens in the Urals: Successes and failures (1918–1925) // *Quaestio Rossica.* 2017. № 4. С. 1070.

⁶⁴ Там же. С. 1069.